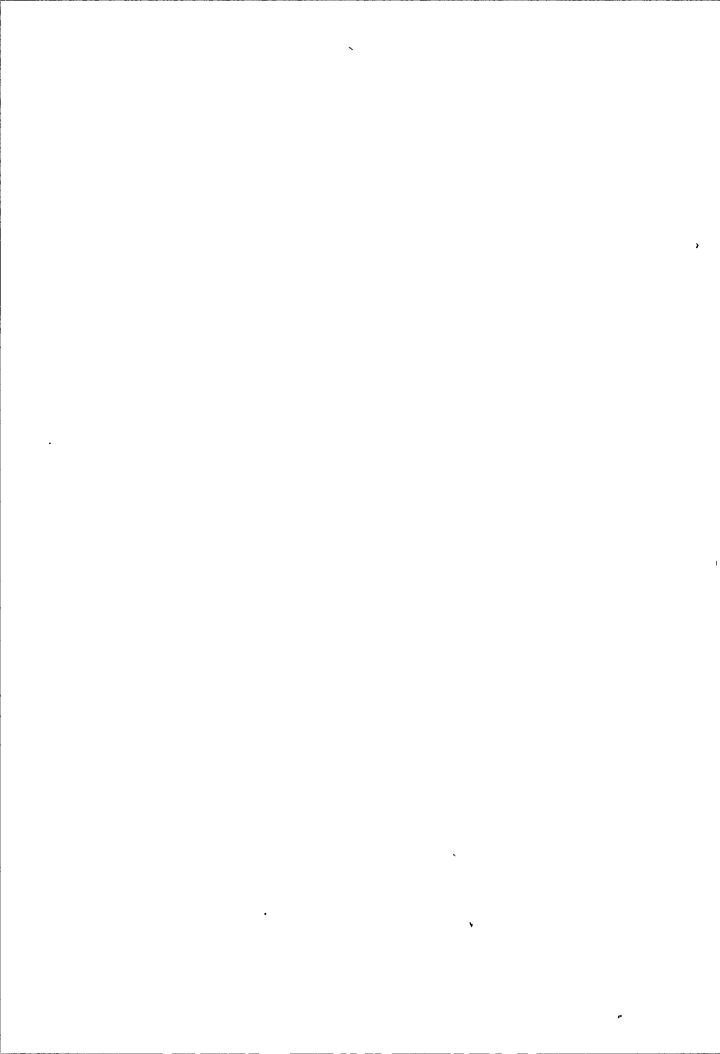

ИВАН ЕЛАГИН

*ПО ДОРОГЕ
ОТТУДА*

СТИХИ

Мюнхен

В океане сумрак долог,
Но у мачты нам светло!
Месяц — зеркала осколок,
Парус — белое крыло!

По расшатанным помостам
До снастей добрались мы!
Видишь — волны тост за тостом
Подымают у кормы?

Ни земли, ни скал, ни мелей,
Ни огня, ни корабля ...
Только темных ожерелий
На груди твоей петля!

У кормы дубовой сядем
На заржавленной цепи!
Хочешь — к падающим прядям
По черешне прицепаи?

Грузным ветром парус налит,
Мачта вбок наклонена,
И того гляди — повалит
Ошалелая волна!

Шумно празелень раздвинув,
Кузов пеною оброс.
В стаю черную дельфинов
Острогу метнул матрос.

Птицы сгрудились на реях!
Это чайки — посмотри!
И на мачтах, на обеих
Закачались фонари!..

Встали за ночь сугробы в сажень.
Узкий двор мертвеца белей.
Видишь, милая, я взбудоражен,
Ну, хоть ты меня пожалей!..

Может быть это только усталость,
Но я помню: всю ночь напролет
То ли птица у окон металась,
То ли волк завывал у ворот!

Все, что видишь в бреду — не упомнишь,
Только в нем что-то вещее есть ...
Твое имя возникло на помощь,
Но его я не мог произнести!

Горят за окнами напротив
Алмазы звездного ковша.
Над лирой, брови озаботив,
Склонилась Муза, не дыша.

На человеческую ложь
Обрушься огненным тайфуном,
И в этом хаосе подлунном
Сердца и кровли растревожь!

За жизнь, растраченную наспех,
За слезы в каторжном пути —
Гори в непримиримых распрях,
Земле и людям отомсти!

Вот мы покинули порт!
Ветер, мой верный попутчик!
Хлещет волна через борт,
Чайки на мачтах скрипучих!

В сумерках берег красив!
Горные гребни лиловые ...
Парус под ветер скосив,
В море идут рыболовы!

Остановись — бокал не допит
И тосты грянули не все!
А ветер облака торопит
И гонит к черной полосе ...

Скудеет мир, и гордых былей
Взывают голоса слабей.
Вино божественное вылей
И на камнях бокал разбей!

Пиры не возродятся боле,
Не огласятся впредь дома
Рабами Джиованниоли
Иль мушкетерами Дюма,

Не скроет мстительную шпагу
Мелькнувший колокол плаща ...
А ты ... ты не пройдешь и шагу,
Не оглядясь из-за плеча!

Лишь в комнате, за плотной шторой,
Ты пожалеешь, человек,
О той свободе, о которой
Забыли в этот черный век!

Еще ломаем руки в гневе,
И негодуем, и клянем,
Но в лабиринте ежедневий
Отупеваем с каждым днем.

И равнодушие изведев,
Не захотим поднять копья.
И внуки позабудут дедов,
Как позабыли сыновья.

Обуглен ветром сад. Как сумерки коротки!
Бескровный луч зари над Волгою поблек
И зыблется едва на выступе решетки
Последний отблеск дня — пурпурный уголек.

Просторная река, я от тебя далек,
Но и года спустя воспоминанья четки:
И баржи, и плоты, и парусные лодки,
Как будто я опять у берега прилег!

Здесь те же облака и рдеют зори те же,
Такой же над рекой свисает черный сад ...
О, осень, спутница раздумий и досад!

Как беден твой наряд у здешних побережий!
От ливней и ветров, их пасмурных осад,
Он с каждым днем темней и с каждым часом
реже!

Где у мола грузили арбузы
И таилась в камнях камбала,
Там мне музами были медузы,
А подругой татарка была!

Ни скалы, ни кустарника — скудно!
И тропа уводила на мыс:
Там стояло пробитое судно,
Озадаченно парус повис.

Но о трюмах, о тросах, о трапах
Рассказала нам шхуна сполна,
И смолы утоляющий запах
Доносила до мола волна!

Степь. И всходит месяц белесый
Из-за лиловых завес.

Степь. И скачет всадник раскосый
С пикою наперевес.

То взлетит, то в травах потонет ...
Конь половчанина лют!
Если вражьи стрелы догонят —
Вцепятся и заклюют!

Так взвивайтесь вослед и рвитесь,
Гибелью черной звеня!
Но добычи не бросит витязь,
Не остановит коня!

О, недаром недругов лютых
В шуйце завязло копьё!
О, княжна! В половецких путах
Острые груди ее!

Ни зги, но ветер. Уличным фигляром
Снует фонарь. И мир опустошен.
В такую ночь бродить по тротуарам,
На брови сдвинув черный капюшон!

И проникать за тайну строгих ставен,
В чужую темень мысли уводя,
И вдруг понять, как повторим и давлен
Весь этот сон из ветра и дождя ...

О снег врасплох! О гибельный набег
На провода, на ярусы фасада!
Как негодует сад! Но снег и снег —
Он день и ночь идет на приступ сада.

Уже сугробы тяготят карниз,
Уже завязли, и в снегу по пояс
И ель, и вяз ... Он глыбами навис,
Между ветвями царственно покоясь.

Вплотную к окнам жметесь синий пласт.
Еще вершок — и форточки засыпет!
Нет, ласточке не улететь в Египет,
И все до тла Счастливый Принц раздаст.

У зимних яблонь — твердый наст.
Так неожиданно и редко
Дождем серебряным обдаст
Пошелохнувшаяся ветка.

Туда, туда, где снег высок,
И помнят папоротник стекла,
И льда отточенный кусок
Под крышею, как меч Дамокла!

Отталкивался дым от папирос
И обволакивал изгибы кресел,
И медленно приподымаясь, рос
И облаками комнату завесил.

Редели стены, ширился провал,
И море выросло посередине.
И голос женщины повествовал
О нелюдимом Александре Грине.

О гаванях, где каждый парус пьян,
Где родина несбывшаяся наша,
Где в бурной тьме безумствовал Аян
И Гнор ступил на побережье Аша.

Туда, к архипелагу непосед!
В страну задумчивых и безрассудных!
Привет переплывающим Кассет
На перегруженных по горло суднах!

Итти, отстаивать за пядью пядь,
Бродяжничать и промышлять разбоем,
Наскучит — ветром паруса распять
И выйти в море с лоцманом Битт-Боем!

Когда ж на бриг обрушится норд-вест —
Бороться в рукопашную с волнами,
И побеждать! И видеть Южный Крест,
Рукою Бога поднятый над нами!..

Так. Маскарад вечерний начат.
Расторгнут занавес зари.
Как виселицы, замаячат
На перекрестках фонари!

И тени супятся, и серый.
Наваливается фасад,
И улица плывет галерой,
И вспять шарахается сад!

Все в судорогах, и трамваев
Не выпускают стыки рельс,
Покуда сумерки, истаяв,
Не завершат заклятый рейс.

Да. Только ночь поставит финиш!
Ты, ночь, безвыходная сплошь —
Оцепишь город, и нахлынешь,
И отодвинешь. И сотрешь.

Там улица кончалась. Там
Река поблескивала снизу.
Луна с карниза по карнизу
Плелась за нами по пятам!

И лестница упала там
До самой пристани, до самой
Волны сутулой и, упрямой,
Надоедающей бортам.

А мы стояли у перил,
У срезанного края кручи.
А ветер тучи перерыл
И посбивал деревья в кучи.

И прядь волос — твоих волос —
Мне ветер даровал как милость...
Как время не остановилось?
Как сердце не оборвалось?

МОЯ ПЕПЕЛЬНИЦА

Отчего, не знаю, взоры
Неожиданно привлек
Этот звякающий шпорой,
Этот бронзовый сапог!

О бреттерах и о мотах
Рассказали, как слова,
Кружева^а на отворотах,
Щегольские кружева.

А за окнами все то же:
Тот же тополь, тот же дом,
Тот же сгорбленный прохожий,
Тот же двор, покрытый льдом...

С глаз долой! Спустите шторы!
Мы устроим век иной!
Здесь сегодня мушкетеры
Побеседуют со мной!

Попрошу, чтоб рассказали
Все, что знали на земле:

О боях, о кардинале,
О надменном короле,

О дорогах, и тавернах,
И аббатствах вековых,
О любовницах неверных,
О дуэлях роковых!..

У боченка сядут гости,
Будет смех и стук костей,
И монет тяжелых горсти
Лягут в складках скатертей.

Все растает на рассвете,
Как бургундского пары,
И останусь я, да эти
Стены, книги и ковры...

За опущенною шторой
Я до утра лампу жег,
Оттого, что звякнул шпорой
Мушкетерский сапожок!

Там сук над водой перегнут,
И берег отчетливо выписан...
Мне кажется, я — Пер Гюнт,
Которого выдумал Ибсен!

Выдумал и обрек
Скитаться в скалах и насыпях...
Встала заря поперек
Елей, распахнутых наспех.

Что это? Рондский бор?
Хижина? Кто ее выстроил?
Память — как возглас в упор,
Как водопад, как выстрел!

И сразу — от белых камней
До кустика — все опознано!
О, Сольвейг! Выйди ко мне,
Если еще не поздно!

Апрель! Я болен этой датой!
За крышей — голубой клочок.
И грач слетел, как завсегдатай,
На облюбованный сучок.

Кричит — и на гортанный вызов
К нему сородичи спешат.
И жлещет жижица с карнизов,
Как будто вылили ушат!

Очнутся люди, хлынут песни.
И Вскроют окон переплет.
Зашевелись скорей и тресни,
Души осунувшийся лед!

Так. Детство ранено навывлет.
Остановись в лесу, шепни:
Зачем они березы пилят
И выкорчевывают пни?

Калитку, дом и воздух самый
Не тронули шестнадцать зим.
Но шум осинника за ямой
Был жуток и невыразим!

Теперь — канава и крапива
И пожелтевшая лоза!
О, страхи детства, как красиво
Вы искажаете глаза!

А будем ли мы помнить? Или
Мы выкорчем призрак дней,
Когда мы птицу хоронили
И крестик ставили над ней?

Тяжеловесные струи
Ливень апрельский пролил,
Их на ходу оркеструя
Для проводов и кровель!

Захлебывалась мостовая
От бурной скороговорки!
В доме, не переставая,
Бились оконные створки!

Оторопев, помешкав,
Ливень пошел на попятный.
Стали уже вперебежку
Вспыхивать белые пятна.

Старый забор перекривлен,
Скомкан кустарник старый...
Гневными бивнями ливня
Размозжены тротуары!

Эти облитые кровью
Клены у изголовья!
Эти деревья — вымысел!
Это художник выместил
На пятипалых листьях
Желчную горечь кисти!

Но, скомканы и ветхи,
Облупливаются ветки.
То киноварью, то охрой
На подоконник мокрый...

Все выговорит пригород!
Выговорит и выгорит!

Наотмашь бьет по векам ветер меткий.
Рассвет ушел в сугробы с головой.
Со скрежетом обледенелой веткой
Размахивает тополь угловой.

Как неуютно летчику на высях!
Скитайся и туманы разрывай!
Голубоватую зарницу высек
На повороте вздрогнувший трамвай.

А ты идешь, замотанный по шую,
И окрики доносятся извне:
Прокладывают дворники траншею
На противоположной стороне.

Там тень извозчика на козлах
В сугроб упала голубой
И вереницу звезд промозглых
Туман волочит за собой.

Там стонет каменное ложе
Воспетой Пушкиным реки,
И тот же мост, и небо то же
Висят, столетьям вопреки!

Там, к ночи подступя вплотную,
Былая жизнь глядит в упор:
Раскольников через Сенную
Проносит под полой топор!

Там, на Столярном, в доме Штосса,
В руках у мертвого — онер,
И на партнера смотрит косо
Проигрывающий партнер...

Там, вдоль по Невскому со свистом
Мчать лихачам не надоест,
И делом заняты нечистым
Те двое, что вошли в подъезд!

Там эхо тысячами мокрых
И гулких набережных плит
Ночного будочника окрик
До самого рассвета длит.

Как руки — властители клавиш,
Как ветер моря подчинил —
Так ты этой ночью возглавишь
Веселую бурю чернил!

Ты странствовать не перестанешь,
Куда бы рассвет ни завез ...
О, сколько для Музы пристанищ
У гор, океанов и звезд!

ТЕРЦИНЫ — АКРОСТИХ

Аборигены моря и таверны!
Ликующие гавани, огни!
Еще буссоли и квадранты верны.

Крепчай зюйд-вест и Южный Крест нагни
С расшатанных небес к согбенным реям!
Акулам лишь и демонам сродни.

На одичалом корабле мы реем.
До парусов швыряет пену шквал,
Растет волна зеленоватым змеем!
Гарпуном грудь иль ромом наповал

Разит судьба, но несравнима доля —
Изведав бури, обрести привал

На развеселых доках Сан-Риоля!

По зимнему бор оскален.
Дом из бревен. Над ним звезда.
Окно инкрустировал Галлен
Кусками цветного льда.

И бревна, и клочья пакли,
И серые сучья двери —
Солью озерной пропахли
Снаружи и изнутри.

Но кажется очень чинным
Этот суровый уют:
Даже гнездо над камином
Деревянные птицы вьют!

Чернильница! Досталось и тебе
Волнений от сегодняшнего полдня!
Он простучал капелью по трубе,
Тебя до края звонами наполня!

Он целый час надоедал окну
Потрескиваньем падающих льдинок!
Опять перо в чернила окуну
И вызову весну на поединок!

И буду спотыкаться о софу,
И нарушать расположение стульев,
Чтоб взять измором первую строфу,
Ее в пустом углу подкараулив!

И снова буду, ночи вопреки,
Бродить по изнуренным корридорам!
Как образумить вас, черновики?
Какой избрать? Смириться на котором?

Уже рассвет! Уймись. Не бормочи.
Прислушайся: там шевелится город,
И с набережной шальные грачи
Тебе кричат, советуют и вторят!

ОСАДА.

Опять сумасшедшие хлопья
Ликуют, ныряют, парят,
Целуют чугунные копья
Твоих обреченных оград!

Усталый, голодный, военный —
Ты скорчен в предсмертном броске,
И бьется затравленной веной
Нева у тебя на виске!

Одеялом завешены стекла,
Тишина стоит у плеча.
Скудный луч на томик Софокла
Клонит нищенская свеча.

Все пугают огнём да газом —
Нос не высуну из норы!
Лучше б бомбы и газы разом,
Да и к прадедам в тартарары!

Милый ад: ни пушек, ни ружей...
Старый ад с хромым сатаной!
Чем он хуже кровавой лужи,
Именуемой — шар земной?

Мы едем. Улицею ли?
То мостовая или ад?
Автомобиль, юли, юли
Между столбов и баррикад,
Между рогаток наугад —
Врывайся в этот непрогляд!

Что там чернеет поперек?
Канавы, вывески или ров?
Не сбережешь ни рук, ни ног:
Тут собирает ночь оброк
С автомобильных катастроф,
С перевороченных дорог!

В парадном ночь и стужа. В две коптилки
Горит окно на верхнем этаже.
А тополя — обломанные вилки
Нечищенного темного фраже.

От пешеходов улица отвыкла
И ночь забыла паровозный свист...
Чу! За углом — возня у мотоцикла,
И удаляется мотоциклист,

И глухо вновь... Скорее дьявол взял бы
Весь этот мир, весь этот тусклый хлам!
Как бы в ответ — заносчивые залпы
Перерубают воздух пополам.

Как вечерами троттуары глухи,
Как сердцевина города мертва,
Где тучные мошенники и шлюхи,
Как синие прожорливые мухи,
Слетались в ресторанные хлева!

Теперь их нет. Куда девалась наглость?
Еще и первый выстрел не остыл —
Скорей — окно бумажками крест-накрест,
Трюмо на грузовик — и в тыл!

Скабрзно каркнуб, пролетает грач
Над улицами, проклятыми Богом,
Над зданиями, рвущимися вскачь
Навстречу разореньям и поджогам,

Над рухлядью ненужных баррикад,
Над остовом обугленным квартала,
Откуда пламя рвалось наугад
И чердаки окрестные хватало...

И судьбы, и жилища сметены.
И там, в нечеловеческом закате,
С перегнутой над улицей стены,
Свисают заржавелые кровати.

Осунувшись и сторбясь и унизясь,
Дома толпятся по очередям
И нищеты жестокий катехизис
Твердит зима базарным площадям.

А рядом бой. Полнеба задымил.
Он повествует нам высоким слогом
О родине. И трупы по дорогам
Напрасно дожидаются могил.

Там небо приблизилось к самой земле.
Там дерево в небо кидалось с обвала,
И ласточка бурю несла на крыле
И лестница руку Днепру подавала.

А в августе звезды летели за мост.
Успей! Пожелай!.. Загадай! Но о чем бы?
Проторенной легкой параболой звезд
Летели на город голодные бомбы.

Все помню об этих ивах
У каждой — врожденный вывих.
О как обнимала ты их!

Там берег песчанен и плосок,
Там мост переброшен из досок,
Там песни повис отголосок.

И тянутся версты и версты
Озер и кустарников черствых.
И все это — ивовый остров.

Там ялик у берега хлюпал
И месяц веселый и щуплый
Обшаривал узкие дупла.

А если сегодня он выплыл,
То он не веселый, а гиблый:
Там пушки беседуют хрипло!

От каждого дерева — гулы!
И с каждого дерева — дуло!
От каждого — смертью подуло!..

КАМАРИНСКАЯ.

В небо крыши упираются торчком!
В небе месяц пробирается бочком!

На столбе не зажигают огонька.
Три повешенных скучают паренька.

Всю неделю куралесил снегопад...
Что-то снег-то нынче весел невпопад!

Не рядить бы этот город, — мировать!
Отпевать бы этот город, отпевать!

Вот вечер — медлит и плывет
И облака смешные лепит,
И кажется — луна вот-вот
За крышу здания зацепит.

А рядом музыка. Томят
Смычка невидимые взлеты,
И на балконе воздух смят
Волной вибрирующей ноты.

Смычок занесен в высоту!
Иль ты не видишь — в скачке дикой
Огромный всадник налету
Застынул с вытянутой пикой?

Стоим, дыханье затая,
Пока не сгинет всадник где-то,
Как будто наша жизнь воздета
На острие его копья.

Звенит трамвай, скрипят телеги
И все под снежной пеленой.
О, этот снег! Моих элегий
Он был единственной виной.

А в небе сыро, в небе вяло,
Как будто небу тяжело:
Само себя держать устало
И вот на кровли прилегло.

Какая б участь ни судима,
Как ни была бы жизнь строга —
Но только б вечно плыли мимо
Качающиеся снега!

Пусть в этом очень мало смысла
Для рассудительных умов —
Но только б вечно небо висло
Между деревьев и домов!

ОКТАВЫ

Парк лихорадил. Кашляли, ощерясь,
Сухие липы. Ветер, озверев,
Кидался, переваливаясь через
Ограду парка, на стволы дерев
И там шумел. В такие ночи Эрос
На смертных свой обрушивает гнев
И мечет безошибочные стрелы
В пределы сердца. В сумрак застарелый.

Я путал за аллею аллею
И все пытался отыскать скамью,
Твою скамью, которую не смею
Забыть, которой запах узнаю,
Чтобы до утра выстоять над нею,
Чтобы заставить молодость мою
Хотя бы обернуться напоследок
И мне кивнуть из каменных беседок.

Немногое мы называем благом,
А счастью не надобны слова.
Мы низом шли, ступая по корягам,
И моего касалась рукава

Твоя рука. Спускающимся флагом
Тонула осень в логовище рва.
А ров был мир находок и разведок.
Ты шла и капли стряхивала с веток.

Когда бы знать, куда мы счастье денем,
Его и на неделю не продля!
Зачем тебя избрали мы владеньем,
Диковинная горькая земля?
Зачем вином наполнены осенним
Как праздничные чаши, тополя,
Когда разлукой вымостили боги
Все тропы, все пути и все дороги?

Когда бы знать, что все оставя, кинусь
В твои овраги, заросли, репы!
Здесь и деревья просятся: « Возьми нас,
Веди к ней — мы свидетели твои!»
И два листа навстречу ветер вынес
И положил на краешек скамьи...
Благодарю, внимательные листья,
Протянутые руки бескорыстья!

В палисаднике шесть занозин
Тараторят. речитатив.
Вы простите, что несерьезен
И с деревьями неучтив!

Да деревья ли? Просто ветошь!
Каждый кустик ветром измят!
Я в притворстве совсем несведущ,
Я поэт, а не дипломат!

Для прогулок несносен климат
И покинул дом истопник...
Но все же они не отнимут
Наших причудливых книг!

Хотя и не знаю толком,
Какую из них разверну,
Но, блуждая по книжным полкам,
Мы отыщем такую страну,

Где электричество в доме,
И дровами очаг набит,
И нет места обидам, кроме
Самых высоких обид!

СОН.

Ели во весь рост
А за сугробом — вепрь.
Ров. Надо рвом мост.
На воротах — герб.

Дом, как большой сруб.
Стены — и сквозь них
Зеркало — свечи — глубь
Девушка и жених.

Только во сне так
Поступь страшна слуги!
Только во сне так
Все говорят шаги!

Только во сне так
Окна наискосок
И потолок высок!

Девушка — вся свеча!
До полу лен косы.
Ошейниками бренча,
Ворочаются псы.

Сегодня тебя увезу /
В свадебных саях!

Тяжко, тяжело внизу
Охнула дверь в снях.

.

Смеркается. И запах хвои слаще.
Смолистый воздух кажется весом.
Вот так бы век! Когда б не этот смазчик,
Склоненный над чугунным колесом!

О чем же я? Так. О смоле. О хвое.
Всплывают дни поочередно все.
Платформа. Вечер. Музыка. Мы двое.
• Когда бы суть не в этом колесе!

Но только сдвиньте, только с места троньте ---
И всей тоской обрушится отъезд!
Распахнутая ель на горизонте
Над всем, что было, вычертила крест.

И поезд скачет с насыпи на насыпь,
Укачивает и трясёт до слез,
Как будто зуб не попадает на зуб
У рельс и шпал, у стыков и колес!

Он день и ночь пространство бьет навывлет
И до краев разлуками налит.
В одном конце кого-то обескрылит,
А на другом кого-то окрылит!

Слова, что камень — никогда не дрогнут.
Я их ваял, всю нежность соскребя.
Мой бедный стих! Ты наглухо застегнут.
Какие ветры распахнут тебя?

За то, что я прикинулся поэтом,
За то, что музу называл сестрой,
За то, что в мир ушел переодетым
В чужое платье, на чужой покрой —

Мой каждый слог мне ложем был Прокруста!
Мой каждый стих рождался чуть дыша!
Смирительной рубашкою искусства
Спеленута свободная душа.

Мой горизонт словами был заставлен.
Они все солнце заградили мне!
Затем, чтоб стих был набело исправлен.
Вся жизнь моя заброшена вчерне.

Я предал жизнь! Обиду за обидой
Я наносил ей сам своей рукой!
Я приказал ей быть кариатидой,
Согнувшейся под каменной строкой.

СОНЕТ.

Не помышлять, не думать об уюте.
Не отогреть чернила на столе.
Туманен кабинет, и столбик ртути
Давно остановился на нуле.

В сугробах двор, и окна в снежной мути,
И узенькие ветки в хрустале.
И долго мы признательны минуте,
Случайно пересиженной в тепле.

Но ты — поэт. Гляди в лицо пурги,
И стисни мозг, и нервы напряги!
Пусть колет лед по этим нежным нитям!

И что нам лед? Ты только лиру тронь —
И он расплавится. Тугой огонь
И в этот раз мы у богов похитим.

Уже последний пехотинец пал,
Последний летчик выбросился в море.
А на путях дымятся груды шпал
И проволока вянет на заборе.

Они молчат — свидетели беды.
И забывают о борьбе и тлене
И этот танк, торчащий из воды,
И этот мост, упавший на колени.

Но труден день очнувшейся земли.
Уже в портах ворочаются краны,
Становятся дома на костыли...
Там города залечивают раны.

Там будут снова строить и ломать.
А человек идет дорогой к дому.
Он постучится — и откроет мать.
Откроет двери мальчику седому.

Н. Ж

Их было много — золотистых ливней.
Тебя ломали страстные струи.
Но с каждым днем глядели все наивней
Глаза ошеломленные твои.

Я шел на них! И падал под ударом!
(Господь, глаза ее умилосердь!)
Так тянутся к автомобильным фарам,
Несущим ослепительную смерть.

Я шел на них! А ветер плыл гигантом
И оставлял на мокрых тучах шрам.
И в сумерках бродячим музыкантом
Ходила осень по пустым дворам.

Я знал, что поздно! Знал, что ставка бита,
Что счастье изменяет игроку!
Но я бросался счастьем под копыта,
Чтобы остановить на всем скаку!

И знал: его уже не остановишь!
Мелькнет! Ударит! Рухну! Наповал!
Из всех небесных, всех земных сокровищ
Я только глаз твоих не целовал.

Ты вся— эскиз карандашом.
Ты сложена легко и плотно.
Таких фламандцы на полотна
Пускать любили нагишом.

Таких изображали там,
Где прямо пьют вино из бочек,
Целуются без проволочек
И бьют себя по животам!

Гнулись ивы в три погибели
В сторону из стороны!
Высоко фонтаны выбили
Три хрустальные струны.

Все под ветром кустик вздрагивал,
И катился лист в траву,
И смеясь, амур натягивал
Золотую тетиву...

Муза мстит. Всю дневную склоку,
Мышью скупость, кривые кивки —
Помнит все, и поставит в строку,
И не вымолишь ни строки.

Не заметишь птицу ночную,
Севшую на ветлу,
И уже не встанут вплотную
Облака к твоему столу.

Поперек завалено щебнем,
Стенами заслонено...
А давно ли окном волшебным
Было твое окно,

Открытое по утрам
Всем четверем ветрам?

Топчемся, чужую грязь меся.
Тошно под луною человеку.
Отвязаться бы от всех и вся!
С темного моста да прямо в реку!

Гибнет осень от кровопотерь,
Улица пустынна и безлиства.
И не все ли мне равно теперь —
Грех или не грех самоубийство,

Если жизнь тут больше непричем,
Если все равно себя разрушу,
Если все равно параличом
Мне давно уже разбило душу.

Думал — осенью буду счастливым,
Да со счастьем всегда нелады,
И обрызганы мюнхенским пивом
Эти мюнхенские сады.

Я давно уже в роли растяпы
И за жизнью тащусь позади,
И поля моей старенькой шляпы
Обломали чужие дожди.

Я серьезных не слушаю споров,
Да и шуток уже не шучу.
У судьбы-то прижимистый норов,
А противиться не по плечу.

То на улице мерзну безлюдной,
То слоняюсь среди пустырей,
Чтоб какой-нибудь смерти нетрудной
Приглянулся бы я поскорей.

Год за годом — верста за верстой...
А про счастье слышали наслышкой.
Все мы платим земле за постой
Сединою, тоской и одышкой.

А быть может и счастья-то нет,
Есть одни надоевшие бредни.
А вели нас к нему в кабинет,
Да оставили в грязной передней.

Что лжешь мне, постылая жизнь!
Разве мало тебе идиотов?
Отцепись от меня, отвяжись!
Я тебя уже сбросил со счетов.

Подводила к высокому вязу,
Зазывала в глухие поля...
Твоему голубому отказу
Я не сразу поверил, земля.

Для того ли в туман приальпийский
Уводили меня колеи,
И твои золотые записки
На дороги летели мои,

Чтобы сгнать в беззвездной Европе,
Где панели тоской налиты,
Где рассвет, как забойщики в копях
Отбивает от ночи пласты,

Где как сумерки-улицы стары,
И на каждых воротах броня,
И смертельные желтые фары
Отовсюду летят на меня,

Где сады багровеют от желчи
И спешат умереть облака,
Где тоскуют и любят по-волчьи,
И бросаются вниз с чердака.

Лужицы, как цинковые миски.
С крыш, с деревьев, с проводов течет.
По камням дожди, как машинистки,
Отстучали годовой отчет.

На ходу влетают мне за ворот
Два кленовых солнечных листка.
Это осень оставляет город,
Вдоль дорог бегут ее войска.

И вослед уйдут последним взводом
Белые листки календарей,
И воскликнут люди: «С новым годом!»
Чтобы стать еще на год старей.

Облетают мысли с каждым шагом.
Прохожу по скверам не спеша.
Скоро выйдет к миру с белым флагом
Перемирье заключать душа.

Каштановым конвоем
Окружено окно
И вся земля запоем
Пьет красное вино.

Мой голубой автобус
Уходит на бульвар.
Как мне понятна робость
Его туманных фар!

Он весь, как на эстраде,
Под рыжей бахромой.
И люди в листопаде
Не ходят по прямой.

От парка и до парка
Он ветрами несом.
И осень, как овчарка
Бежит за колесом.

День отступит, тьма поборет,
Выйдут звездные полки...
С Новым Годом, старый город!
С Новым Горем, земляки!

Тот повесится в уборной,
Этот сбросится с моста,
У кого-то ночью черной
Вынут дуло изо рта...

Кто еще нас объегорит,
Счастье новое суля?
С Новым Годом, старый город,
С Новым Голодом, земля!

За далекой переправой
Может, бросим якоря,
Где-то проволокой ржавой
Повстречают лагеря.

Не повесят, так уморят,
Не леса, так рудники...
С Новым Годом, старый город!
С Новым Горем, земляки!

Кончается ночь снеговая
И крыши всплывают грядой.
Звезда над дугою трамвая
Дрожит Вифлеемской звездой.

Ночь канула, с места не тронув
Двухтысячелетней канвы,
И где-то с вокзальных перронов
Выходят седые волхвы,

И елка в окне магазина
В плену золотого дождя...
Но старые три господина
Ушли, никого не найдя.

Млечный путь осел на колею.
День жесток, а ночь еще жесточе.
У столба дорожного стою
За колючей проволокой ночи.

Так же будет сотни лет спустя.
Ни один не вырвется из клетки.
Так же будут наклонятся ветки,
Первобытным ужасом хрустя.

Кто мы? Для чего мы и откуда —
Проволокой звезд обнесены?
Говорят, Тебе мы снимся, Будда.
Скверные Тебя тревожат сны.

Ты — подброшенная монета,
И гадают Дьявол и Бог
Над тобою, моя планета,
На какой упадешь ты бок.

Ты летишь! Ты попала в штопор,
Не раскрылся твой парашют.
Затрещала твоя Европа,
И портные твои не сошьют.

В торжествующем урагане
Голос Бога уже невесом.
Ты в космическом балагане
Стала чортовым колесом.

По тебе пробегают танки
И пожар по тебе клубит,
И уже отдаленный ангел
Над тобой в вышине трубит.

Этот день, — он настанет скоро!
И в последнем огне горя,
Разлетятся твои соборы,
Министерства и лагеря...

Но не слышит земная челядь,
Что уже распаялась ось:
Что-то мерит, и что-то делит,
Что-то оптом, и что-то врозь...

И молиться уже бесполезно,
Можно только кричать в небеса:
— Зашвырни нас куда-нибудь в бездну,
В бездну с чортова колеса!

Памяти дочери.

Так ненужно, нелепо, случайно
Разлетаются дни, как пыльца.
Детский гроб и снега Алленштайна —
Вот чему не бывает конца.

Там в снегу, как в тумане, как в дыме
Мы по улицам тесным идем.
Там короткое выжжено имя
На кресте раскаленным гвоздем.

Может-быть, мы сидим и поныне
Там, в пустом неприглядном кафе,
И нам снится — мы где-то в Берлине,
Присужденные к аутодафе...

Пусть состаримся мы в Сингапуре,
Но со всех отдаленных окраин,
Через все океанские бури
Мы пробьемся к тебе, Алленштайн.

Наше место за столиком свято!
Ты продрогла, я тоже продрог;
Ты нам налил, трактирщик, когда-то
Этой смеси, похожей на гроб...

Мы к тебе по дороге оттуда...
И расскажем мы, сидя в тепле,
Как мы наше короткое чудо
Незнакомой отдали земле.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. В океане сумрак долот	3
2. У кормы дубовой сядем	4
3. Встали за ночь сугробы в сажень	5
4. Горят за окнами напротив	6
5. Вот мы покинули порт	7
6. Остановись — бокал не допит	8
7. Еще ломаем руки в гневе	9
8. Обуглен ветром сад	10
9. Где у мола грузили арбузы	11
10. Степь	12
11. Ни зги, но ветер	13
12. О, снег враспloch	14
13. У зимних яблонь	15
14. Отталкивался дым от папирос	16
15. Так. Маскарад вечерний начат	17
16. Там улица кончалась	18
17. Моя пепельница	19
18. Там сук над водою перегнут	21
19. Апрель	22
20. Так. Детство ранено навывлет	23
21. Тяжеловесные струи	24
22. Эти облитые кровью	25
23. Наотмашь бьет по векам ветер меткий	26
24. Там тень извозчика на козлах	27
25. Как руки — властители клавиш	28
26. Терцины — акростих	29
27. По зимнему бор оскален	30
28. Чернильница!	31
29. Осада	32

30. Одеждами завешены окна	33
31. Мы едем	34
32. В парадном ночь и стужа	35
33. Как вечерами троттуары глухи	36
34. Скабрезно каркнув, пролетает грач	37
35. Осунувшись и сгорбясь и унизясь	38
36. Там небо приблизилось к самой земле	39
37. Все помню об этих нивах	40
38. Камаринская	41
39. Вот вечер — медлит и плывет	42
40. Звенит трамвай, скрипят телеги	43
41. Октавы	44
42. Твоя рука	45
43. В палисаднике шесть занозин	46
44. Сон	47
45. Смеркается. И запах хвои слаще	48
46. Слова, что камень	49
47. Сонет	50
48. Уже последний пехотинец пал	51
49. Их было много	52
50. Ты вся — эскиз карандашом	53
51. Гнулись ивы в три погибели	54
52. Муза мстит	55
53. Топчемся, чужую грязь меся	56
54. Думал — осенью буду счастливым	57
55. Год за годом	58
56. Подводила к высокому вязу	59
57. Лужицы, как цинковые миски	60
58. Каштановым конвоем	61
59. День отступит	62
60. Кончается ночь снеговая	63
61. Млечный путь осел на колею	64
62. Ты — подброшенная монета	65
63. Памяти дочери	66

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ:

Напечатано: Следует:

Стр. 29

5-ая снизу зеленоватым зеленокрылым

Стр. 49

8 ая сверху чухой чужой

Стр. 58

1-ая снизу что лжешь мне что ты лжешь мне